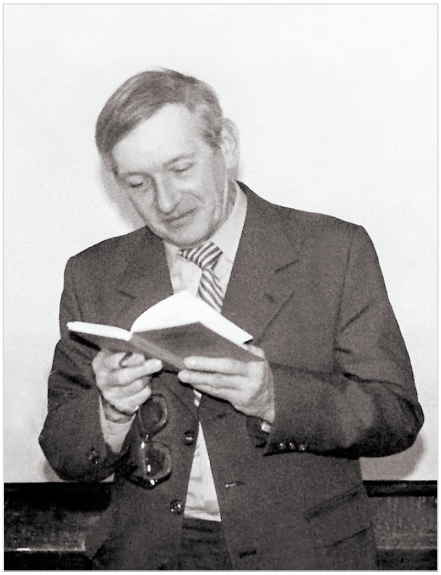
Памяти моего отца
Николая Владимировича Димчевского
посвящается...

Николай Димчевский

Прорубь

✶

Можжевеловый корень

Стихи

Санкт-Петербург
2019

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6
Д 67

Николай Димчевский
Д 67 Можжевеловый корень (*Стихи*). –
СПб.: Фонд им. Николая Димчевского. 2019. – 136 с.

ISBN 978-5-94437-535-3

Название «Можжевеловый корень» объединяет два сборника стихов Н. В. Димчевского, каждый из которых состоит из трех разделов, наполненных образной системой, характерной для автора.

Сборник «Прорубь» включает «Рожденье рек», «Следы времени», «Яблоки»; сборник «Можжевеловый корень» – «Лепнина лета», «Сень осенняя», «Вешки весны». Поэт выступает как активный внимательный наблюдатель: он остро воспринимает все краски и ритмы природы родной земли, ход времени, роль самого человека в этом вечном взаимодействии.

ISBN 978-5-94437-535-3 © Е. Н. Бабаева, текст, 2019

Об авторе

Какая мощная поэзия! Меня восхищает, как поэт владеет искусством слова! ...
Так писали Кузмин, Гумилев, так писал Есенин...

Р. В. Славацкий,
член Союза писателей России

Николай Владимирович Димчевский (1926–2002) – русский советский писатель второй половины XX века. Автор восьми сборников стихов, шести книг прозы, переводов с английского (Мелвилл, Брэдбери, Киплинг, Монсаррат). Член Союза писателей.

Он справедливо считал литературную деятельность основным делом жизни. Слово манило и завораживало его. Как признавался сам: «Ранней весной, когда сыреет и жухнет снеговая синь, и поздней осенью, когда утром неожиданный снег одаривает забытой белизной, случалось странное волнение, тянуло смотреть вдаль и брести по нетронутому белому покрову, и еще хотелось надолго оставить в себе эту неуловимость настроения, и уже зналось, что закрепить ее может слово».

У каждого поэта – своя образная система. Философ по образованию (МГУ), он стал журналистом, много ездил по стране. В 50-х годах, оставив Москву, уехал «на разведку» с геологами на Ангару и Енисей. Как это повлияло на него, напишет позже: «Завершив сезон, вернулся домой и стал работать в газете, потому что уже не мог жить без движения.

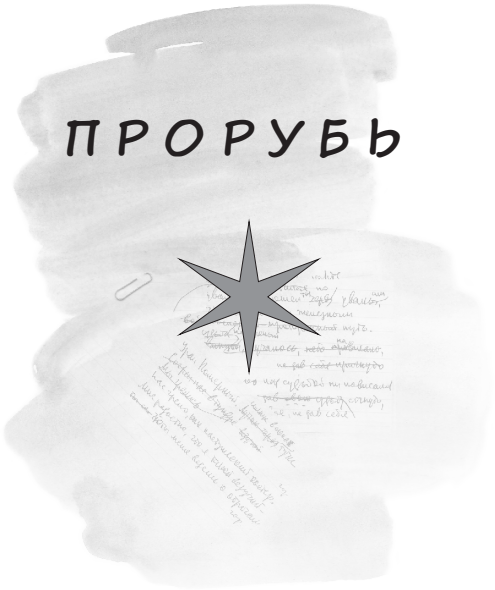
Ходил на тральщиках в Баренцевом море, кочевал с пастухами по тундре Полярного Урала, на танкере прошел по Лене вдоль марсиански пустынного Верхоянского хребта до Тикси, с пограничным кораблем – мимо Сахалина, Курил, Камчатки – на Чукотку... Берингово море, остров Ратманова и в дальней дымке – Америка...»

Поэт чрезвычайно требовательно относился к себе, поэтому не сразу решился отдать стихи для печати. Первые публикации подборок стихов будут только в конце 1959 г., но сразу в «Новом мире» и в «Литературной газете».

Книги из настоящего сборника увидят свет: «Прорубь» – в 1968 г., «Можжевеловый корень» – в 1983 г. «Каждая из них ни одной строкой не повторяет предыдущие», – утверждал автор.

Убедитесь в этом сами!

ПРОРУБЬ

* * *

Подмастерьем бы стать у Байкала –
поучиться его мастерству:
синих красок набрать,
фиолетовых слюд
и туманных опалов
и пронзительным солнцем
пришпилить к холсту!

Натореть
в стеклодувной тяжелой и точной работе,
чтоб на дне
отлитых из зеленой прозрачности чаш
колыхались
лучей переливчатых
желтые соты,
отражался игольчатый контур
пронизанных осенью чащ.

Стать чеканщиком,
хватким, скупым златоковцем,
ремешком повязать под кружок седину,
молоточком алмазным
разбить уходящее солнце
и осколки
прибить по чешуйке
на каждую каплю в тугую волну.

Кожемякой –
таежные шкуры,
лесные овчины
разминать,
растирать,
раздирать,
распинать,
чтобы скалы ревели по-бычьи,
чтоб в горле стремнины
застревал шквальный ветер,
вонзившийся по рукоять!

РОЖДЕНЬЕ РЕК

1

ЖИЛЬЕ ЧЕЛОВЕКА

Жилье человека – это тридцать шестов,
это шкуры оленьи, прошитые жилой,
и костер, и котел...
И, как толща веков,
тьма и тишь дальний чум окружила.

О, уют для забвенья дорожных невзгод!
Угли. Нить тальникового дыма,
и на нити – узлами –
час и день,
день и год
до зари ледяной протянулись незримо.

Время стало.
Очнуться,
кремневый топор
беспокойной рукой в полудреме нащупать.
Что там? Бубен шамана иль эхо от гор?
Иль взыграла под осень пудовая щука?

Костяные крючки сухожильем связать
и на тундровом озере кинуть приманку?
Головешкой горящей
по волчьим глазам
садануть,
суеверно вскочив спозаранку?

Иль следить сквозь дыру, где сомкнулись
шесты,
ход светил,
сотворенных рукой человечьей,
иль приемник включить
и послушать с шести
танцевальные ритмы,
реченья
и речи?

Время стало.
Смешало
тальникового дыма узлы.
Где кремневый топор,
где транзисторный кремний?

Здесь жилье человека.

А дороги так злы,
в их когтистые лапы опять на заре мне...

РОЖДЕНЬЕ РЕК

Рожденье рек Полярного Урала
под грохот каменных колоколов,
под звон прозрачных чаш,
под гневный гром хорала,
клокочущего в горле у ветров!

Ломайте скалы,
рвите тундру в клочья,
справляйте пир новорожденных сил!
Здесь ни один шаман
судьбы вам не пророчил,
вас ни один колдун родиться не просил!

Входите в мир без зова и без спроса,
бросайтесь серебром бесценных рыб!
Пускай озера следом лягут косо,
березы криво обовьют бугры.

Кидайтесь вкривь и вкось –
не всюду –
нужна простая прямизна.
Меж тундр
случаются и чудеса без чуда,
и ночь без вечеров,
и дни без утр.

Вберите чистоту снегов и льдов
и жижу
ржавовины болотной из трясин.
Вам все дано познать:
чем к океану ближе,
тем ниже недра,
выше свет вершин!

* * *

Не в Енисее –
в светлом небе, где
не волны – вечера горят,
поют лебедки, словно лебеди,
и поднимают якоря.

И, бесконечное подоблачье
подмяв под серые бока,
из пены выплетут узорочье
не корабли,
а облака.

Здесь заплутаешься,
закрутишься,
загинешь в зоревой красе
и вдруг
в груди своей
почувствуешь
на месте сердца
Енисей!

* * *

Водорослей принесу и листьев,
окна занавешу старой сетью.
Ломкий гул волны,
как дальний выстрел,
будет в дом входить
лишь раз в столетье.

Раз в сто лет –
чтоб не забыть про время...
А между ударами волны
пусть в печи сосновые коренья
нам поют из гулкой тишины.

Их тепло не может быть теплее
наших рук
и наших губ,
и глаз.
Мы хотим, чтоб огненные змеи
дымным взглядом
холодили нас.

Чтобы елок смоляные плети
шишками стучали в нашу дверь
и волна, как выстрел,
раз в столетье
отделяла «было» от «теперь».

* * *

А. Потемкину

Кто шаманит
в шаманьих просторах?
Ветры
в каменный бубен стучат.
И гудящие,
гулкие,
голые горы
неохотно и грозно
вбирают вечерний набат.

Запалила заря облака,
на вершины закинула пламя,
по ущельям ударила резким хлыстом.
Бродят красные волны
грохочущими стадами
вдоль по черной реке,
рядом с хмурым
крутым Верхоянским хребтом.

Вейтесь, дикие силы,
свивайтесь в клубок, завивайте
в свое жерло
весь камень и мох
и тугие тяжи облаков!
Пусть сгорают закатными искрами
чайки,
пусть от гор, как от угля,
вздуваются космы костров!

Нет конца,
нет границ,
нет предела...
Индевелыми перьями светятся крылья пустынь.

Из каких неохватных миров
прилетела
эта даль,
эта ширь,
эта стынь,
эта синь?

* * *

Погасли горы.
Нам пора.
Проверь-ка упряжь!
– Кщ-щ-щ! –
Вались на нарты!
Олени взмыли к пепельным горам
и напрямик – без компаса и карты!

По-зверьи, нюхом,
лишь свистит в рогах.
По-птичьи, летом –
подняло и взвило!
Все вперемес:
мы друга от врага –
от трав трясину отличить не в силах.

О, безрассудство гонки без дорог!
Проныр по рекам,
вымах сквозь болота,
на камни вхряст
и хлюпом через мох –
и в створ зари,
как в алые ворота!

И встреча с солнцем.
Тундра – как луна –
в холодном свете росного убора,
и клочьями сырого волокна
дымятся, точно кратеры, озера.

И резкий взмах Уральского хребта
бросает нас до кромки океана,
куда не доберется темнота –
в пресветлые полунощные страны.

* * *

Бетон и бирюза –
шоссе над Енисеем.
Бетон живет труднее бирюзы.
Спит бирюза внизу,
а по бетону
змеем
вползает туча, полная грозы...

Дорога дерзости!
За крутизну и скалы –
тревожным росчерком,
трубящей белизной!
И даль седых Саян,
как грань кристалла,
пробита и сквозит
дорогою сквозной.

Но впереди
еще тайга и топи.
Там все сначала –
трактор
и топор.
Идти,
зарубкой отмечая тропы,
лесную шубу драть с плеча у гор,

вести грузовики за облаками,
где грозен хрип ветров
и груб мотора стон,
чтоб острие дорог
прошло между веками
и с красотой Саян
спаялся наш бетон.

* * *

Много красок не надо.
Для заката достаточно трех.
Бросьте медную в небо,
сталь каленую в горы,
известь жженую в реку
и смотрите,
забыв про коварства дорог.

Пусть недолго –
пока, отдыхая,
олени
крепкий гриб подберезовый жадно жуют.

Чтоб закатные краски вобрать,
нужно целую жизнь
или несколько беглых мгновений,
все равно ни того ни другого не хватит –
ни жизни, ни дней, ни минут.

Эти краски
Урал
многолетье хранил в своих складках,
он настаивал их
на буранах и льдах, на жаре,
на воде снеговой,
на камнях, заскорузлых и гладких,
и на судьбах,
сгоревших в полярном костре.

Сколько глаз уходящих
в последнем разжатье
принимали высокий покой этих мест,
и закатные краски,
как волны в накате,
омывали
тревожный неструганый
крест.

Были праздники –
красные шали по меди
несгорающих медленных зорь.
В пляс узоры на малицах шли и, помедлив,
заплетались в закатный веселый узор.

Много красок не надо.
И трех слишком много для жизни.
Хоть одной,
налитой и ядреной,
сверкнуть!

...А олени верхушки березок обгрызли
и грибы дожевали,
и снова зовут тебя в путь.

* * *

Дырявый накомарник.
Борода.
Винтовка.
Йчиги.
Зимовье.
Сырые камни.
Звонкая вода.
Заря по зыби – кровь по крови.

Звон комаров.
Глубокой дали зов.
Путь от жилья.
Дорога в необжитость.
Гольцы.
Кедровый стланик.
Темь лесов.

Что темнотой в таежных падях скрыто?

* * *

Кровь августа –
шиповник и брусника.
Синиц трещотка вечерами алыми.
Ступает осень трепетно и дико,
бредет чащобой и таежными завалами.

Какая четкость красок и границ!
На черном камне
белый мох
и колокольчик синий.
Скалой разрезан мир
от силуэтов птиц
до водорослей, спрятанных в пучине.

На гарях,
возле обожженных пней,
толпится молодняк осинника продрогшего,
и снялись журавли с болотных якорей –
бить грудью облака на ледяное крошево.

Из растворенных окон наверху
им видно,
как в ногах у старых сосен,
по твердой чешуе брусничника,
по мху
течет кровь августа,
в тайгу крадется осень.

ДРАКОНОВО ЯЙЦО

В жару
в бору –
там варево кипит
из шишек, земляники и смолы.
И корни, скорчившись между гранитных
плит,
от жара вяжутся в корявые узлы.

А в самом пекле,
в огненном песке – валун,
досиня солнцем накален.
Вот лопнет... и в беспомощном броске
забьется огнедышащий дракон!

Возьму птенца и посажу в мешок
и каменных скорлупок наберу.
Я докажу в ответ на ваш смешок,
что чудеса еще живут в бору.

* * *

Ни росчерка,
ни лишней линии –
так строг и точен Енисей.
Наметил горизонт
и облако
и бросил в небеса гусей.

Не надо берегов!
Лишь зубчато,
легонько острою пилой
тайгу подправил где-то с краешку,
медвежьей шубой кинул зной,
и ветер погасил,
и выпустил
такую светлую лазурь,
что глаз ее не может вынести
и видит только сквозь слезу.

Там гуси растворились начисто,
как будто не было гусей
и ничего на свете не было...
Был
лишь полярный Енисей.

ГДЕ-ТО…

Я этот поселок с трудом узнаю...
Он где-то на Севере... Где-то,
где краски просеяны сквозь кисею
полночного сонного света.

И рыжие бревна плывут по реке,
и черные баржи – на ртути,
и серые избы на сером песке
в сереющей тундровой мути.

Там красный платок над обрывом...
Глаза...
Ладонь над их вырезом узким.
В них кто-то, кто должен вернуться назад,
тускнеет за маревом тусклым.

...А лодка промазана медной смолой.
И капля костра.
И белила
березовых дров...

Эта лодка
за мной
когда-то
сквозь ночь приходила...

* * *

Откуда здесь крабы?
Откуда здесь спруты?
Собрались все чудища моря
в тайге:
раздвинуты пасти,
утробы раздуты.
Оступишься –
зубы сомкнут на ноге.

Все это –
дремучее воспоминанье,
вздох древней земли,
сон глубоких пластов.
Но даже
всезнающее сознанье
робеет
при поступи этих снов.

И только под утро,
расправив хребтины,
защелкнув клешни
и сомкнув плавники,
становятся чудища
древесиной,
корнями,
где шастают бурундуки.

* * *

Узнаёшь
фиолетовую,
льдистую,
полинявшую,
осеннюю тундру,
океана порыв неистовый,
не дающий проснуться утру?

В распадке,
меж сопок, за мочажиной,
куда след вездехода заклинен, –
цветы,
словно синие скважины,
к родникам,
не по-здешнему синим.

Как вживается в сердце
мимолетная,
пустяковая, слабая случайность –
эти брызги цветов за болотами,
уцелевшие от осени втайне.

И теперь,
лишь потянет подснежником,
лишь туманом застелет выси,
холодятся у сердца снежники,
вспоминаются
Диксон
и Тикси.

СТАРУХА

По берегу,
черная
в белом тумане,
старуха с тревогой,
старуха со страхом,
старуха с собакой
идет по песку.
Тревога и страх, и собака
в предутренней рани
прижались к ноге
и скулят,
и тоской своей неизреченной
готовы накликать другую, щемящую сердце тоску.

Байкал пригвожден к косякам побережий –
ни всплеска –
все звуки задавлены в сдавленном горле ветров.
И шаг осторожный
острой гранью песчинок
тишину остеклевшую режет,
и осколки впиваются в спину крутых берегов.

Кто-то там заблудился...
В тумане весло увязил он?
Или в сыри глухой захлебнулся мотор?
Чьи сердца без надежды и руки без силы
увидала старуха сквозь тусклый простор?

Это муж?
Это сын?
Это внук?
Или просто соседи?
Или просто о ком-то тревога ее?
Может, это тревога о всех, кто плывет и кто едет,
кто идет,
кто летит
и плетется средь дальних краев?..

И старуха бредет к перевернутой лодке,
ударяет по днищу корявой клюкой.
И сухие удары, призывны и четки,
в неизвестность плывут
над землей и водой.

«Эй, в тумане,
в слепом Баргузинском заливе!»,
«Эй, в тумане,
на всяком распутье земном!» –
Голос лодки зовет. Он то глух, то заливист,
будто старое сердце
надрывается в нем.

И усталые скулы тяжелых баркасов
завиднеются скоро сквозь мокрую муть,
и забьются моторы,
и с этого часа
в паруса будут ветры попутные дуть.

А старуха уйдет по песку,
и собака
неуклюжими лапами стопчет следы...

И недавняя горечь тревоги и страха
растворится
в растворе песка и воды.

* * *

Комар упал:
теперь идти спокойней.
Лишь днем, в затишье –
липкая мошка.
Вверху –
крик дятла, резкий и разбойный,
внизу –
скрип гальки из-под башмака.

Река тайгу на круче осадила,
и сосны в страхе встали на дыбы,
тая в корнях бессилие и силу,
мешая золото
с фальшивками слюды.

На берегу чисты и четки глыбы,
обнажены пластовища камней.
Земля прозрачна –
руды, словно рыбы,
отяжелев, устало спят под ней.

Здесь все знакомо –
у воды палатка,
бревно в костре и пар из котелка...
И все же
точно смутная загадка –
земля и сосны,
камни и река.

ПРОРУБЬ

Беру пешню
и
бью в оскал зеленый,
ломаю
льда и наледи заслоны!

На снежных искрах,
словно сизый голубь,
синее неба
высветилась прорубь.
Теперь
ведром помятым зачерпну
из-подо льда добытую
весну.

Памяти К. Кондрацкого

Жестяные цветы на воротах сада!
Никогда не увянут ваши ржавые стебли.
В ваших венчиках нет
ни нектара,
ни яда;
ни пчела, ни оса
в ваших чашечках не были.

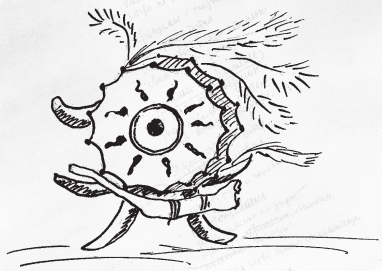
Но у вас есть своя неуклюжая прелесть,
есть наивность в нелепых изгибах металла –
это значит:
жестянщику
очень хотелось,
чтобы мертвая жесть колокольчиком стала.

Узловатые пальцы
в порезах и ржави
орошались не раз
крупной каплею пота.
И на память он летнему саду оставил
жестяные цветы на скрипучих воротах.

Я завидую:
старый жестянщик был мастер.
Это радость –
оставить на жести иль слове
трепет пальцев своих
или мысли о счастье,
или красную капельку крови.

СЛЕДЫ ВРЕМЕНИ

2

* * *

Я люблю переулок.
До щербатых карнизов,
до голубятен костлявых
он тишиной тополиной налит.
А в небе,
могуч, как бунтарский вызов,
красноперый закат
спины крыш
и деревья
когтит.

Это спор безмятежности и урагана космических
красок,
битва уюта и бесприютных просторов.
Над переулком
в дремоте вечернего часа –
вихри Вселенной
и мрачного Космоса норов.

И, заглядевшись на бешенство поднебесья,
взявшись рукою за тощую жердь голубятни,
мечтатели
в бездну Вселенной ноги босые свесят
и будут впивать и слушать говор светил невнятный.

ОРГАННАЯ МУЗЫКА

Вот серебряный город.
Там медные птицы гнездятся,
там стальные сверчки
и стеклянные пчелы живут.
В нем дома без хозяев и домочадцев,
и холодные башни не знают про теплый уют.

И приходит старик.
Он приносит задумчивый праздник,
начинается пир,
медный мед в гулких трубах кипит.
И в серебряных сотах
душа охмелевшая вязнет,
и стальной колокольчик у самого сердца звенит.

А старик поднимает тяжелую соль океана,
вызывает все гулы пещер
и все ветры полей...

Так рождается музыка в недрах органа.
Так великая мудрость нисходит на души людей**.**

***

Старый лекарь деревьев.
По влажным бульварам,
когда черные сучья вонзаются в синее небо,
он идет
и лекарства несет за спиной.
Там паяльная лампа,
долота и вар.
Лекарь знает,
кто здесь болен
и чем
и сумеет ли выжить больной.

Распугав воробьев,
он труху из дупла выбивает,
выскребает всю гниль,
что скопилась на сердце у лип:
крошку мелких желаний,
пронырливых злых древоточцев,
пыльный мох, что на душу налип.

И паяльная лампа
с безжалостным ревом
жжет дотла тлен и тлю, дряблость старой
коры...
И дрожащее дерево
терпит,
зеленые почки,
как глаза, от врачующей боли раскрыв.

Этот лекарь!
В корявой ладони
нож не дрогнет
и пламя –
острее, чем нож.
Он готовит деревья к весне.
Посмотрите,
как сгорает труха, древоточцы
и ложь!

ЗЕМЛЯ

Земля, пропитанная гарью и углем,
пронизанная щебнем и железом...
Ее мы любим – мы на ней живем,
и след наш навсегда в земное тело врезан.

Все камни и песок, и шлак
прошли сквозь наши пальцы, как сквозь
сито,
и горсть земли, зажатая в кулак,
сплавляется в бесценный слиток.

Мы прячем в землю реки и ручьи,
мы тянем кабель по бетонным трубам.
Прислушайся: она звучит
и нежным шепотом,
и взрывом грубым.

Под ней, как электрический разряд,
как сгустки скорости и света,
с протяжным воем поезда летят.
И там родится новый лад
для песни, что еще не спета.

Земли не убивает наша сталь –
на тихих улицах, у водостоков ржавых,
распарывая стебельком асфальт,
родятся травы.

Прокладывая линии траншей,
бетоном заливая площадь,
мы оставляем место для корней –
пусть лето
листья
ливнями полощет!

Земля, как тело, – вся в извивах жил,
она живет и дышит вместе с нами, –
ведь душу человек в нее вложил,
когда закладывал в фундамент
первый камень.

* * *

На лицах, точно в книге для приезжих,
все оставляет подпись или след.
Совсем недолго, пока детство брезжит,
чиста страница и помарок нет.

Но вот раздумье, первое по счету,
лоб прорезает ниточкой прямой,
потом приходят властные заботы –
у каждой
норов свой и почерк свой.

А дальше годы ставят отпечатки,
ложится желтизна и впалость щек,
и страсть свой росчерк оставляет хваткий,
исписывая за листком листок.

И кажется –
нет места на страницах,
исчерченных заржавленным пером...
Но книга все равно для подписей годится,
и новые жильцы
въезжают в старый дом.

СЕВЕРЬЯН

От жухлых трав и болот, поросших мохом,
из глинистой, еловой страны крестьян,
с Севера, где жить было скудно и плохо,
пришло это имя – Северьян.

Оно – как замутившийся от времени камень,
многое чудится в его глуби:
вот избы зажмурили веки ставен,
и снежный буран в их трубы трубит.

В нем весна продрогшая, радостью скупая,
тонкие ветки тянет из тумана.
Птицы неуклюжие поздно прилетают,
и цветы неяркие отцветают рано.

Там и лето серенькое с тощей рожью,
латаные крылья мельниц на буграх.
В нем и осень дождиком по бездорожью
замывает редкие следы бродяг.

...В старинном имени таится бескрайность
лиц и людей, уходящих в глубь веков.
Северное имя, всплывшее случайно...
А сколько у нас таких имен и слов.

АДРЕС ШЕКСПИРА

В пяти минутах от метро,
на улице, мерцающей неоном,
рядом с домом,
где сорок переполненных квартир,
живет Шекспир.

И мы к нему приходим,
оставив электронные машины,
молекул синтез, ядерный распад...

«Когда-то
где-то в Датском королевстве
был принц…» –
Шекспир нам говорит сто раз подряд.

Что нам за дело до любого принца!
Был он иль нет –
кому какой урон!
Скорбеть о нем?
Мы делаем машины,
где говорит и мыслит электрон.

Но здесь живет Шекспир.
Он носит шпагу принца,
он призрак,
он могильщик,
он король.
Кто запретит артисту и фантасту
избрать любую роль!

Здесь все личины, маски и обличья
лишь грани человеческой души,
лишь плащ,
который незаметной нитью
к живому сердцу накрепко пришит.

Живое сердце дышит и мятется,
тревожным ритмом наполняя мир.

...Как нам не помнить
этот старый адрес,
где столько лет
живет Шекспир!

***

Таинственно и тихо птицы
влетают в небо –
там их дом.
Клюв тянут, чтоб зари напиться,
и месят облако крылом.

А человек темно и тяжко,
тягучей силой отягчен,
размазав пот, защелкнув пряжки,
ведет машину на бетон.

И в микрофон ворчит, включая
всю мощь машинному зверью,
чтоб в небе, крыльями качая,
как птица
просто пить зарю.

***

У каждого музея краеведенья
свой волк,
свой филин,
свой седой медведь.
Из ниш
на посетителей наведена
узорчатая пушечная медь.

Кость бронтозавра,
а над ней – баталия
и диаграмма: так возрос удой,
И вдруг
княгиня
с невозможной талией
осой висит под картой областной.

История...
Из всех ее извилин,
что было – никуда не уберешь.
И тихо смотрит
осовевший филин
на засухоустойчивую рожь.

***

Я боюсь поездов.
Этот крик тормозного железа
проникает сквозь сердце
и горечью губы кривит.

Жизнь разрезана,
город твой – напрочь отрезан,
ты отрезана –
рельсы уходят в зенит.

Но когда лапы лиственниц
осень проржавит
и осинник осыпет фольга и слюда,
когда дождь,
припадая к окну,
в сотнях капель тебя отражает,
я люблю,
я люблю,
я люблю поезда!

***

В театре
освещенье много значит:
включают голубой фонарь –
и месяц над леском маячит,
и в зал течет ночная хмарь.

Потом фонарь включают красный –
лесной пожар и пламя до небес.
И зритель ежится –
опасно:
зал вспыхнет и сгорит, как лес.

Уходит зритель –
и механик ловкий
свет солнца выпустил на сцену из окон.
И вмиг
луна повисла на бечевке,
и превратился лес в бумагу и картон.

* * *

Душистый воск еще не зрелой мысли,
характер ломкий, как весенний лед.
Судьба чуть начата –
не ясно:
вниз ли,
ввысь ли
ее ветрами занесет.

Ведь каждый ученик – наивная загадка,
вселенная на тоненьких ногах,
где зыбок свет,
законы шатки
и без орбит планеты в небесах.

Весь инструмент учителя –
терпенье
и время, сотканное из минут в года.
Дробятся камни,
рвутся цепи звенья,
но это напряженное терпенье
ему не изменяет никогда!

Вот он в саду.
Столпившись, смотрят дети,
как держат нож,
как режут черенки.
Не скоро под плодами дрогнут ветви,
но зреет плод в тепле его руки.

Он сотни раз выводит букву, слово...
И медленно,
и с каждым днем верней
рождаются из пламени живого
сердца и облик будущих людей.

* * *

Металл, как губка впитывая труд,
ложится слитком,
тянется в струну...
Лишь руки человека придают
полезность стали,
благородство сплавам
и золоту цену.

Металл – стихия:
в нем сплелись узлом
бездушье, красота, бестрепетность и дрожь.
Металл – хамелеон:
сегодня ржавый лом,
а завтра – плуг и серп,
а завтра – меч и нож.

Металл – игрушка, банка для конфет
и трос,
протянутый из наших дней в мечту,
он плоть и мозг космических ракет
с орбитой, устремленной в пустоту.

Все это буйство скрытых свойств и сил
клубится,
сжатое в ладонях твердых рук, –
его связал,
скрутил и подчинил
металлом опаленный металлург.

Не сталь,
не алюминий,
не вольфрам –
все это сплав труда, ночей и дней,
все это мысль с металлом пополам,
пронизанная светом до корней.

* * *

Утром,
когда чист рассвет и лист весенний липок,
воробьи пиликают на сотне детских скрипок,
веселье бесшабашное в песенке простецкой, –
для скрипки переложены
частушки и елецкий.

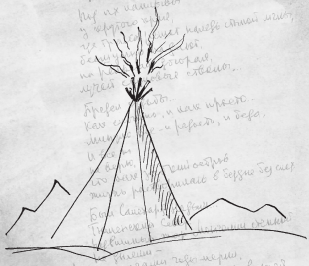
И сто смычков неловких
выводят неумело
о мимолетной радости – пожить на свете белом.

И сотня тонких перьев
скрипит по листьям клейким
грошовую мелодию –
листочек по копейке.

Веселость желтоклювая
без повода и смысла
во всех дворах разбросана,
на всех сучках повисла!

ЯБЛОКИ

3

* * *

Зеленым филином уселся можжевель.
В глазах роса,
в ушах трещат синицы.
Он лапами так сжал лесную прель,
что та
грибом
до срока разродится.

Он любит
эти скудные места.
По-птичьи,
по-звериному их любит.
И тонкой паутиной
красота
повисла на замшелом клюве.

* * *

Генриху Волкову

Поджарые сосны и тощий вереск,
и тонкие иглы в сухом песке.
И сучья скрипят, словно старые двери.
И лето висит на одном волоске.

Но текут еще смолы, на солнце, растаяв,
колышется над дюнами слоистая хмарь,
и все глубже годичные кольца врастают,
и время в стволах каменеет, как янтарь.

Когда-нибудь
присмотришься к неровному срезу,
разыщешь глубоко запрятанный слой –
и снова сучья скрипнут старым железом,
и лето,
прощаясь, повиснет над головой.

* * *

Веселых стекляшек апрель нанизал –
березы под утро
звенят бубенцами,
и радостным холодом полнит глаза
продрогшей зари индевелое пламя.

А солнце,
как сердце, таится в глуби
дремучих болот, замохначенных мохом...

Березовый день подступает к груди,
и тетерев в роще кричит скоморохом.

* * *

Стал снег зернист,
петух орет из клети.
За ветками – сырая вышина.
И капля с крыши
прямо в сердце метит.
Весна...

* * *

Городишко просяно-овсяный
хлебным духом по крышу пропах
и блестит
белизной берестяной,
и плывет на сырых облаках.

Шепчет,
вытянув сохлые руки
постаревших своих тополей,
и трепещет в глубокой излуке,
словно теплое сердце полей.

Диким гусям его не любить ли,
журавлям ли его не стеречь –
к камышам заболотным приникли
его крыши, где тенькает течь.

Просыпая овес на булыжник,
голубям отсевая пшено,
городок,
не радея о ближних,
отдает им что полем дано.

В берестяно-овсяной округе,
в нескудеюще скудных песках
он плывет
старым дедовским стругом
на прошитых дождем облаках.

НИТИ ОСЕНИ

1

День свеж и рыж,
и ветер к югу сносит
негреющее пламя лозняка.
Река синя, как дым,
и гулко дышит осень,
подняв в душе мятеж
огня и сквозняка.

Костер лесов.
Прозрачным вихрем взмыта
вся охра, медь и золото земли.
Насквозь гудящим пламенем пропитан
горю в огне цветов,
что летом отцвели.

И радостно,
и жаль, что время гасит краски,
что бьет октябрь в усталый бубен
крыш
Иду через кусты,
бреду по глине вязкой,
шагаю без дорог...

А день и свеж, и рыж.

2

Колючий сад,
он зло топорщит сучья

и рассекает даль на сто частей.
Как медный нож, ветловый лист
ждет случай, сорвавшись,
взрезать землю до корней.

В ноябрьскую безжалостную пору
деревья остры,
сад
непримирим.
Он зло встречает зло,
и ежатся просторы,
в жестоком споре дрогнув перед ним.

Не верится:
лил проливень из ведер,
и солнце
выжидало, чтоб прильнуть
к изгибам яблонь,
точно к коже бедер,
и к грушам,
обнаженным, словно грудь.

Все позади.
Какая скудость цвета,
как режет глаз косых стволов излом!

Колючий сад хлыстом железных веток
на зло природы
отвечает злом.

3

Осень краски украла.
Под плащ ее серый
долы
и дали заметены.
Становится осенью
море
мерой
глубины и голубизны.

Облезлой осенью
море – мрамор,
море – марена и малахит.
Юным ихтиозавром
осеннее море рычит.

Море со скудостью тусклой грызется,
ярясь и когтясь, как июльский пожар.
Глядя на море,
любое болотце,
камыш разодрав, в берег илистый бьется
и хочет,
как море,
обнять земной шар.

4

Безвкусен воздух в пойменных лугах.
Белесо небо.
Щуплы травы.

Одни стога хранят в своих горбах
бродила исцеленья и отравы.
В них лето до весны заключено,
и стоит только
в бок всадить им вилы –
густым потоком потечет вино,
которое в их недрах набродило.

В вине –
и мед,
и острота осок,
и крепость луговой клубники,
в нем рябь реки вгрызается в песок
и брызжут медью солнечные блики.

...В стогах уснули травы,
и тебе,
когда серо и небеса корявы,
так радостно
из голубых стеблей
пить запах исцеленья и отравы!

5

Краснокожая тихая осень
индианкой пугливой идет по лесам.
Через синь,
через хлябь ее след переброшен,
где сомкнулись дожди
к полосе – полоса.

На осиновых углях
кипят и шевелятся краски,
по щекам и по лбу
растекаются бликом на блик.
И ступает по пламени с детской опаской
индианка,
таящая в горле испуганный вскрик.

Ноги в глине,
одежда
темна и помята
и клочок за клочком остается на каждом
стволе.

Так идет индианка,
и тянутся нити заката
по осенней,
осиновой,
северной нашей земле.

6

В лесах все – цвель и ржа.
Вцепившись ножкой тонкой,
каждый пенек, дрожа,
сторожат
опенки.

Леса – это погреб сырой,
полный ягод, рябины, грибов и гнили.
Там весенние соки спят под корой,
как в замшелой бутыли.

Хрусткой чащобой,
по волглой траве и бруснике
ломится осень с кошелкой:
птиц распугала –
и птичьи крики
сыпятся шишками с елки.

Что здесь хорошего?
Сырость, серость и сирость.
Вечером дождик,
утром туман стеной.
Поздняя осень,
кому она полюбилась?
Кого покорила?
Какой красотой?

* * *

Не надо ветки обрезать,
не надо!
Пусть дерево растет, как хочет,
пусть!
Пусть летом листья сонно льют прохладу,
а осенью листва лелеет грусть.

Нет августа
без буйства бурых сучьев,
без лохм, летящих криво на ветру,
а в ноябре
деревья
по-паучьи
дожди сплетают в сети поутру.

Приглаженность испортит сад.
Не надо
ножом шальные ветви поправлять!
Свой замысел давно созрел у сада.
Не нужно саду в замыслах мешать.

* * *

Река еще жива –
течет по жилам кровь,
хоть снег,
как кружева,
свисает с облаков,
хоть лед
косой стрелой
ей в горло целит,
хоть
поземкой ножевой
ее терзает плоть.

Река живет
и пар
таит у влажных губ,
и варит черный вар,
и косит льдом кугу,
и крутит жернова,
проснувшись поутру...

Нет,
рано кружева
нести к ее одру!

* * *

Из дыма волосы,
глаза из бликов,
и губы – как разлом медовых сот.
И проступают капли земляники
там, где нога среди стеблей встает.

Идешь между звенящих зноем сосен,
по лугу, по куриной слепоте.
Как жаркий мех,
на плечи полдень брошен,
а плечи –
зависть белой бересте.

Не уловить тебя в мои тенета,
силками силы тоже не поймать.
Лишь осенью,
когда ломают соты,
мне с горечью
о меде вспоминать.

ДОЖДИ

1

Окно открою –
лучше слышно ливень,
и четче поступь капель,
и слышней,
как пузыри звенят,
лепечут ивы
и горький запах льется с тополей.

Рассветный дождь.
Сквозь пасмурную сырость
в окно трубит зеленая труба
о том, что солнце в каплях растворилось,
что стала черной наша городьба.
О пустяках великих –
песнь природы,
о брызгах, заслонивших небосклон,
о лепестках раскрывшихся,
о меде,
о сердце,
ждущем солнечных времен.

2

Кто там ходит всю ночь на ходулях
и палкой стучит по тугим лопухам?
Куда ни пойдешь –
в огороде,
в саду ли, –

везде долговязые долбят ходули
и шепчется кто-то по темным кустам.

«Летучую мышь» засвечу
и, пригнувшись,
чтоб капли с листвы не спугнуть,
подойду...
И дождик,
ходули ломая о груши,
с испугом замечется в мокром саду.

3

Кусты и деревья – горшки и кувшины,
налитые бледно-зеленой водой.
Как хрупки сосуды весенней крушины,
как трепетна чаша ветлы молодой!

Я их подставляю под ливень весенний –
и слушает
глухо гудящая глушь,
как варится пряное зелье растений
в горячем пару закипающих луж.

4

На ломаных молниях
об руку с темным ненастьем
дождь недобрый идет.

Он посевы сечет,
рвет листья,
ломает ветки
и швыряет крыши вразмет.

Ливень злобно кромсает землю:
вспорото поле,
как рана овраг,
бурой пеной вздувает ручьи,
и намокшие птицы,
запутавшись, бьются у дождя в волосах.

Дождь жесток,
он все круче и все острее.
Капли с градом, как дробь из ружья.
Люди в окна не смотрят.
Обтянуты скулы,
молча жены сидят, молча сникли мужья.

Длинный кнут водяной хлещет землю с размаху,
лепит в стены,
со свистом врывается в дом.
Зажми уши ладонями,
стисни до хруста череп –
все равно будет слышно, как поле
кричит под кнутом!

5

Еще все было впереди,
все было в будущем,
все ждалось –
вот летний ливень загудит,
и молния протянет жало.

И не сумеешь не вбежать
под сумрак старого навеса,
где капли мутные дрожат
в сырой пыли грибного леса,
где руки – пряные от трав,
где губы – пьяные от ливня,
то жгут, сильнее всех отрав,
то дарят праздничные гривны...

Все это было впереди,
все ждалось,
все прийти желало,
все зрело, как гроза в груди,
и молнии
точили жало.

* * *

Принесите в дом корзину яблок,
ивовую чашу запахов медовых,
кружево ветловое, где блеск росы так ярок,
заплетен под прутья и задорно, и бедово.

Это солнце брошено на праздничное
блюдо,
это сахар крупчато живет под кожурой.
Принесите
росное рассыпчатое чудо –
спрятавшийся в яблоках
ленивый летний зной.

Можжевеловый корень

ЛЕПНИНА ЛЕТА

1

ВЕРЕНИЦА СУДЕБ

Поколенье уходит.
Истончаются жизни.
Дни –
последними листьями с крон.
И трепещет душа
от бессилия вызнать,
чей черед
в веренице имен.

А, пожалуй,
не надо выпытывать тайну.
Ведь всегда в веренице
не этот,
так тот...
Или он, или ты
по законам печальным
в день осенний, как лист пожелтевший,
уйдет.

Но продолжится жизнь,
и листва возродится,
соблюдая извечный всемирный закон,
и пребудет во веки веков
вереница –
вереница судеб,
вереница имен.

ЗАПОВЕДНЫЕ ГОДЫ

У сердца заповедники свои,
в их дебрях
времена окаменели.
Там стрелы опадающей хвои
еще летят,
не достигая цели.

Там травы
и тревожные цветы
в десятилетьях сохраняют свежесть.
Таким, как был,
меж них ступаешь ты.
То ж сердце у тебя
и помыслы все те же...

Как ни лукавь, ни мудрствуй, ни глаголь –
чуть прорастет воспоминаний стебель –
стирается далеких былей боль,
и остается радостная небыль.

И ты сквозь заповедные боры
проходишь невесомо и незримо,
и, словно пар
от давней той поры,
всплывает
чье-то медленное имя.

ВОСПОМИНАНИЕ О ГОРОДЕ

Древний город, он искрится шпилями,
он струится старинной готикой,
затонул в океане времени,
как корабль, до самого клотика.

Если встать на рассвете сумрачном
и уйти под изогнутым парусом –
город по небу распластается
серым шелком и черным гарусом.

Если выбрести по торфяникам
на равнину осенним вечером,
город вырастет лесом каменным,
высь распорет узором стрельчатым.

Через бешенство ветра и времени
он пронес эту четкость жесткую.
Город бурь, город мрачных мыслителей
и рабочих, пропахших известкою.

КОЕ-ЧТО О ТВОРЧЕСТВЕ

«Изготовление искусственных цветов» –
И проступает за рекламной фразой:
с природы совлечен
таинственный покров,
и привлечен
практичный разум.

К чему леса, луга, роса и рань?
Здесь применили новую идею:
вот ландыш – прорезиненная ткань,
из мыла мастер давит орхидею.

Работают не разгибая спин,
без отклонений, точно по стандарту.
Все учтено – и мыло, и сатин,
и все занесено на перфокарту.

Но в этом производстве красоты
одно лишь ускользнуло от учета –
что даже мертвым
мертвые цветы
скорбящие приносят с неохотой...

НИТЬ ВЕЩЕЙ

Есть у вещей дремучая душа,
есть злой характер
и слепая сила.
Вещь входит в дом – и тяжело дышать,
и кров родной становится постылым.

Случалось, что ковры и хрустали
детей от матери со злобой отрывали,
и побрякушки страшные вели
к злодейству,
в тюрьмы, в каторжные дали.

Но все же
их ни в чем нельзя винить.
Мы на любом суде их не осудим,
хоть в глубине у них
таится нить,
ведущая в сердца и в души к людям.

НЕЧТО О НУМИЗМАТИКЕ

Разбив мечом соху да борону,
пустивши по миру весь свет,
цари,
с носами древних воронов,
глядят с тускнеющих монет.

Заполнить собственной особою
свой медный мир им удалось.
И все ж
насуплен взгляд,
и злобою
заточен остро тяжкий нос.

Мерещится им:
вся вселенная
перечеканена в огне
и как монета неразменная
в монаршей спрятана мошне.

ГРАБИТЕЛЬ ГРОБНИЦ

Громоздились гробницы –
гонор гордых гробов,
чтобы люди
по смерти царей
перед памятью падали ниц.
Но всегда
меж простершихся в прахе рабов
со змеиной улыбкой
таился грабитель гробниц.

Вот задвинуты входы гранитной скалой,
утрамбованы прочно курганы тяжелой земли...
И тогда
он в ночи приходил, деловитый и злой.
Преклоненье и страх с ним на дело не шли.

Хитроумный и резкий,
не ставивший вечность ни в грош,
потрошил фараонские мумии,
скифских вождей потрошил
и при свете луны совершал свой грабеж и дележ,
и в веках исчезал, все богатства пустив
на распыл.
Неизвестный,
неведомый,
некто,
ничтожней песчаной пыльцы,
он исчез,

но ведь после него
(как жестоко с живыми и мертвыми он поступил!)
поклонялись пустым пирамидам рабы и жрецы,
и кочевники чтили пустые курганы в степи.

ЭТОТ ДЕНЬ

День был замешан на лучах,
на листьях и тумане.
В высоких голубых печах
он пекся ранней ранью.

Вот он готов, и можно взять,
впивать, вдыхать и слушать...
Вострите уши и глаза,
распахивайте души!

Дивитесь лесом и листом,
Вселенной и крупицей –
день этот никогда потом
не сможет повториться.

ПЕРЕУЛОК

Что за убогий переулок:
то вниз и вкривь,
то вверх и вкось.
Какой хулы среди охулок
ему наслушаться пришлось!

Домишки лесенкой, церквушка,
лабаз, ворот угрюмый свод...
Уж если не душа,
так душка
в окне с гераньками живет.

Фонарь, облезлый тополь, тумбы;
в забор заплатою – кровать...
Коль плоски думы,
так без дум бы
век напролет прокуковать.

Как неуютно и беспутно
в домишках этих
нам жилось.
Так почему ж
броженьем смутным
нежданно пронят я насквозь?

Как бы ища единоверца
в чужом краю,
в полубреду,

с забытым замираньем сердца
по переулочку
бреду.

ДОЖДЬ НА ДОРОГЕ

Дождь редкий, струи точно жерди,
как покосившийся под ветром старый тын,
он сломан сзади,
искалечен спереди
толчками и ударами машин.

Дождь, выщербленный, тощий, колченогий,
он ковыляет, словно инвалид,
и неумело
камни на дороге
от пыли очищает и скоблит.

Он моет загрязнившиеся скаты
и мокрой тряпкой водит по бортам.
Дождь, сбитый с ног, усталый и измятый,
настойчив и настырен, и упрям.

Он в верности слезливой так назойлив,
что против ополчился целый свет.
И лишь тогда,
отравленный газойлем,
он, обессилев, падает в кювет.

ДУШИ ДЕРЕВЬЕВ

Корявый ствол обратился в доски.
Распил в заусенцах и клочьях коры,
но рисунок слоев, пронизавших плоскость,
от глаза людского теперь не скрыть!

Мастер только взглянул,
только тронул стамеской,
и прошла под рукой жизнь далеких краев,
где дожди, сушь и ветер менялись резко
и деревьям клеймо оставляли свое.

Круто гнулись волокна,
как извилины мозга;
когда соки иссякли в земле скупой,
ствол сжимался,
и сучья хватали воздух,
и бугры вырастали под черной корой.

В годы влаги, туманов прозрачных и солнца
расправлялись тяжелые мышцы ствола,
и янтарные соки по всем волоконцам
жизнью пьяная почва гнала.

Под ударами бурь,
под кинжалами молний
усложнялся рисунок древесных жил –
каждый выгиб жестокость природы помнил
и трудным своим бытием дорожил.

И теперь
обнаженные души деревьев,
чьи безвестные судьбы честны и чисты,
с полированных створок
в глаза ваши смотрят,
чтоб напомнить о трудных путях красоты.

СКОРЛУПА СЕБЯЛЮБИЯ

Как это страшно –
быть затиснутым в скорлупу себялюбия
и не иметь даже смелости птенца,
проклевывающего выход наружу.
Не видеть пестрого мира,
наполненного чужими судьбами,
не понимать голосов птиц, листьев, людей...
Как это страшно –
окружиться самим собой,
одеться в себя самого,
приукраситься самим собой.
И прислушиваться только к своей речи,
к работе собственного желудка, сердца, головы,
к покалываниям и побаливаниям...
Майский ливень с молниями,
наполняющий мир неистовым светом,
горечью тополей и травы –
всего лишь опасность промокнуть.
Февральская метель,
пробивающая простор колючей белизной,
снежные костры на крышах –
лишь повод, чтоб не выходить на улицу.
Человек, говорящий о дожде и метели как о чуде –
чудной чудак.
И эту скорлупу себялюбия
нельзя пробить ни дождем, ни метелью, ни словом.
Ее нельзя пробить снаружи ничем.
Ее можно пробить только изнутри.

Но для этого
надо иметь хотя бы
смелость птенца.

МЕЖА

Этот звонкий золоченый волосок,
эту нить луча сквозного
подари,
когда сонно распускается восток,
когда мне
и на заре не до зари.

Протяну его по елочной резьбе,
через дни и через годы просквожу –
обозначит он и в мире, и в судьбе
только нам одним приметную межу.

СЕНТЯБРЬ

Не мог
за локоть даже
тронуть,
шаги ловил движеньем глаз.
И под ноги попавший
желудь
как сердце
екал всякий раз.

Был дуб.
Сентябрь
тянулся веткой,
неся не желуди –
сердца.
Неловки были мы, не метки,
хотели по житейской сметке,
с порога радость отрицать:
не время,
не судьба,
не место,
не возраст,
не и не, и не...

Кричали: «Тили-тили-тесто!»
синицы в синей вышине.

ДНИ ПРОШЛЫЕ

Под утро дождь.
Конец.
Упало лето –
на глине поскользнулось, ослабев.
Ты,
в незнакомый плащ переодета,
идешь в глуби изодранных дерев.

За прорезью листвы
так смутно и так робко
прочеркнут контур зябкого плаща.
Дни прошлые
в осенней темной топке
намокшими поленьями трещат.

От их огня
душе все бесприютней,
все резче ветра пасмурный разбег.
Играет осень на старинной лютне,
где снег, как струны,
словно струны –
снег.

КАПЛЯ ЛЕТА

Лето льется из тонкого горла цветка
и из птичьего горла,
тонкой струйкой течет,
и родятся потом облака,
и густеют леса,
и возносятся горы.

И лукаво,
и ломко
улыбка скользит по губам.
Красота,
словно капля смолы, напоенная летом,
протянулась по хвое сухой,
по лугам
и сквозь сердце прошла,
недосказана и недопета.

Недосказанность –
странный удел.
Эта горечь ее
в стебле трав и в смоле, и в судьбе...
Эта горечь
есть во всяком,
кто ломкой улыбкой владел
и, предчувствуя радость, наткнулся на горе.

Будут стебли
и горы,
и горло цветка
не устанет струить уходящее лето.
И проглянет улыбка,
легка и ломка,
и растает в малиновой чаше рассвета.

СНЕГ В СЕНТЯБРЕ

Снег в сентябре!
Сухо снежинки по листьям стучат –
сначала чуть слышно,
а после все громче и звонче.
Снежные пряди мохнатятся,
вьются тесней и плотнее.
В саду потемнело,
забора не видно.

Под яблоней с сыном укрылись,
он на цыпочки встал,
тянется и срывает с трудом
красное крепкое яблоко;
сочно кусает холодную мякоть,
поднимает к небу лицо
и не без робости, словно великану,
говорит:
– Снег, снег, спасибо за яблочко!

ПРОДОЛЖЕНИЯ

Продолжение ласки,
продолжение взгляда,
продолжение рук, обнимающих плечи,
продолжение всех продолжений –
тревожная наша отрада,
наше сердце вне нас,
долгожданный,
нежданно-негаданный человечек!

Продолжение притяженья,
ломающего расстоянья,
чтобы слить воедино
и плотскую радость,
и души.
Остаются в ребенке лишь встречи,
в нем нет расставанья,
он и сам,
словно встреча с далеким грядущим.

Продолжаемся в нем,
с ним идем к недоступным пределам
и себя отдаем продолженьям его продолжений,
чтоб сквозь толщу столетий смотрели глаза
и ликующим телом
утверждался в веках
продолжения вечного гений!

ГОРДЯЧКА

Колечко – в колодец,
сережки – в реку,
алеет платок на корявом суку...

Пошла поперек, не хотела поладить.
Ни ладу,
ни сладу,
ни сада в ограде.

И дом опустел,
и не топится печка.

Сережки – в реке, и в колодце колечко.

ПАМЯТЬ

Забыл слова, забыл напев я,
забыл твой голос и наряд.
И только древние деревья
обличье давнее хранят.

И оказавшись у стволов их,
как бы во сне опять живу
напевом, обликом и словом,
что здесь звучали наяву.

ВОЗЛЕ СПЯЩЕГО СЫНА В ПАРКЕ

По солнечным часам определяю время,
по зелени медлительных теней,
по линиям вечерней теоремы...
Нет проще ничего и нет сложней.

И жизнь, и свет слабеют на излете,
но есть отрада –
в толчее недель
с живою каплей мной рожденной плоти
на двух лучах подвесить колыбель.

Меж вязами,
как между временами,
среди тревог и трав, дубов и дум –
лицо ребенка во вселенской раме –
росток судьбы.
Но где судьбы ведун?..

Я сам, как эти древние деревья:
нам не увидеть зрелости ростков.
Здесь, у корней натруженных присев, я
провиденья ищу
в глуби стволов и слов.

Как линии длинны,
как неподвластно время!
Но некого винить –
я все затеял сам...

Вот только бы,
взглянув сквозь ветки и коренья,
судьбу определить
по солнечным часам...

МОСТ И ЗВЕЗДЫ

На путях мороз еще свирепей...
Где рогатится железный мост –
кажется, скрипят стальные скрепы
и трещит ночная клепка звезд.

А на рельсах,
как на полосах от полюса,
в жухлом свете худосочных фонарей,
кто там от морозной жижи скроется,
кто в ней не промокнет до костей!

За Каргат ли,
за Чулым ли,
в Захолустное
как приедешь через тридевять земель,
выйдешь в кирзовых да в ватничке захлюстанном –
разом выбьет из-под кепки теплый хмель.

Эх, и выпляшешь чечетку требуховую,
кулаки до плеч затиснув в рукава!
Млечный Путь над головой – стальной подковою,
и в стальной подкове голова.

Эти станции с названьями нелепыми!
Как подстегнут ветром бешеный мороз!

И скрипят мосты стальными скрепами,
и трещит ночная клепка звезд.

ПОСЛЕ ПУРГИ

Заторосило реку,
перепахало –
льдины дыбом, переломаны и грубы.
Накромсало,
набросало как попало
то ли стекла,
то ли доски,
то ли судьбы.

Накорежило ветрами, накрутило,
перебило, точно звонкие баклуши,
зализало зябким снегом, словно илом,
то ли лодки,
то ли весла,
то ли души.

И по холоду тревожного простора
так и тянет, и влечет по снежной соли
к солнечным береговым узорам
не меня ли,
не тебя ли,
не его ли?

На середке ветреной стремнины,
у распутий бесконечных на середке
вытянулись вдоль речной долины
наши судьбы,
наши души,
наши лодки.

СТАРАЯ МЕЛЬНИЦА

Метель...
И мельница на голом склоне.
Когда-то
эти крылья
ловили ветер с радостью и стоном,
чтоб зерна, привезенные с полей,
разбить в муку
и хлебным благодушьем
насытить ненасытный дух людей.

И ветер был почтителен –
он плавно,
как в хороводе, мельницу кружил.
Далекий ветер,
ветер давний...

Теперь метель.
Теперь снега.
Теперь
она стоит до пояса в сугробе,
и бьется на петле
расщепленная дверь.

Заклиненные крылья недвижимы,
их перья вырваны,
в них бьют со всех сторон
стальные
снежные
пружины.

И в щели между бревен,
в гниль пазов,
на жернов лопнувший
летит мука...
из снежных облаков.

Насмешки горше нет
для мельницы,
кормившей целый свет.

Вот так она стоит, согнувшись,
у вершины
и смотрит вниз,
а там
через метель
по черному шоссе
муку везут машины.

КОСТРИЩА

Кострища прежних встреч
в чащобах нахожу.
Кто смог,
кто смел, кто взялся
те угли уберечь?

Неужто для земли
священней, чем для нас,
былого пепла тайнопись,
горелых сучьев сказ?..

Кора листвы осенней
на землю наросла.
Разлукам и разладам,
размолвкам и раздорам
есть повод
и есть довод,
нет смысла,
нет числа.

И все же
затаились
кострища
средь чащоб.
И, как бывало, белки
там цокают на елках,
и за сердце хватает
далеких зорь озноб.

* * *

Ивняк у обочин
прострочен
стежками серебряных почек.
Сегодня
лесная швея
наметку нарядов готовит,
и самое долгое дело –
ей выкроить
первый листочек.

* * *

Теряет зима
то слезу, то сосульку.
Весеннее око –
во весь окоем.
И зяблик свистит в ледяную свистульку,
что быль холодов
порастает быльем.

Обширны снега,
и морозит ночами...
Но утром
все явственней слышится нам,
как ветер весенний поводит плечами
и шуба зимы
раздается по швам.

* * *

Река – мозаика живая
из камня,
из воды
и света –
мешая краски, линии ломая,
смелее мастеров творит картину лета:
извилистые пятна и разрезы,
мерцанье ряби
и литье волны;
вдали
пластины ржавого железа
оправлены в янтарь
и в мох заплетены;
у берега,
как мятый шелк и шкуры,
свернулось отражение лесов;
на середине
клин зелено-бурый:
узор травы, песка и облаков;
за мелями
на черных струях
застыла вязь плотов,
и впаян в дым буксир;
и отраженье сокола,
тоскуя,
из облаков летит в подводный мир.
На мостике буксира – девушка.
Рябиной
горит и плещет платье с высоты,
и отсвет падает на воду каплей длинной,
звенящей каплей новой красоты.

ОЗЕРА

Продудела чайка на капризной дудке.
Сочными ломтями острова на глади.
Изодрал одежду, истрепал обутки.
Впереди – озера,
непролазье сзади.

Падаю на камни,
синий сок озерный
втягивают губы жадно, до захлеба.
Как простор, как влага –
выкрик чайки вздорной.
А в затылок смотрит хваткая чащоба.

МОЖЖЕВЕЛОВЫЙ КОРЕНЬ

В заповедных глубинах,
в чащобах,
глухим непролазьем затворен,
вызревает игольчатый куст –
можжевеловый корень.

Привереда и скрытень, причудник...
На мху белобрысом
он один утвердился
полунощным кипарисом.

В паутинах и ягодах сизых
зеленые перья.
И повадка его, и посадка –
то птичья, то зверья.

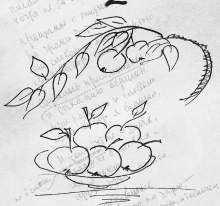
Продирается он
через лета и зимы,
бредет сквозь столетья –
ловит время,
сгребает колючею сетью.

И таит в тесных кольцах ствола
судьбы древних и дремных урочищ.

Их найдешь и откроешь,
и вызнаешь,
если только захочешь.

СЕНЬ ОСЕННЯЯ

2

ПРОХОДЯ ВДОЛЬ КУРИЛЬСКОЙ ГРЯДЫ...

Вулканы Курильской гряды!
Эти конусы над океаном!
Сотворение мира.
Земли зарожденье из вод.
Утверждение света, когда на рассвете багряном
из лучей и туманов
сплетается небосвод.
Появление рыб и моржей,
и китов жернова под водою,
осьминожьи глаза,
нереальные ткани медуз…
Покрывала пучин их покажут и скроют,
но пребудет всегда их безмолвный союз!
Выпорх птиц.
Топорка красноклювый фонарик,
мешанина ныряющих глупышей,
прочерк чаек...
Все создано разом, в ударе
и пребудет всегда
на груди океанских зыбей.

Все возникло.
Есть где разгуляться
и солнцу,
и тучам.

И к познанию тайны
легла потаенная нить:
мир возник в океанском твориле
могучем,
Бог отсюда
решил многоликость мирскую вершить.

Охотское море

УТРЕННИЙ ИНЕЙ

В чащобах утренних простыну я,
чтоб только посмотреть, как в ряд
на пнях, фарфоровых от инея,
грибы стеклянные сидят.

И в дуновенье, мною вызванном,
потоньше горлышка синиц,
они поют хрустальным вызвоном
и голоском вязальных спиц.

До них дотронешься – сломаются,
дохнешь – повиснут как тряпье.
И только взглядом прикасается
к ним удивление мое.

ЖИМОЛОСТЬ

С палочкой-копалочкой
сохлый старичок
через рощу галочью
поволокся в лог.

Волчье лыко, жимолость,
горькие грибы...
Набралось ли, выбралось
там, в конце судьбы...

Серьги бересклетовы
и уста рябин –
песнями пропетыми
на краю годин.

Палочка откинулась,
ветер поднялся.
Скрылась жизнь как жимолость
в темные леса.

ОСЕНЬ

Бузину да волчьи ягоды
с бересклетом и рябиной,
вздохи тяжкие и тяготы
собрала в подол ряднинный.

Все загребистей, убористей,
устали не замечая,
нахватала горьких горестей,
белены да молочая.

И, как есть, не принаряжена
ни в обычье, ни в обличье,
потащила чрез овражины,
через посвисты синичьи.

И в котел осенних месяцев,
поворчав, кулем свалила,
и глядит, как буйно бесится
злого зелья злая сила.

В СТАРОМ КОЛОМЕНСКОМ ПОД СЕНЬЮ…

Здесь дуб
из времен Иоанна Четвертого
корячится,
кажет кривые наросты...
Как будто Малюта
на дыбе вывертывал
все сучья и жилы, все листья и кости...

И цену крутую познав выживания,
он птиц привечает и щедр на убранство...
Но как запоздалы
ростки его ранние,
как скупо и трудно он делит пространство!

Вершок за вершком –
в глубину сокровенную,
в разгул грозовой и в безмолвие света...
Он миром зеленым
врастал во вселенную,
и желуди
звездами падали с веток.

Сквозил между туч и светил, и движения
времен, уводящих в ночные глубины,
привязчивый погляд
лихого безвременья,
по-сычьи следящий за жизнью невинной.

Столетья
у грани всечастной погибели...
Но в каждом мгновенье
он жив постоянством:
весна ль расцветила,
мороз ли повыбелил –
он птиц привечает и щедр на убранство.

СУЩЕЕ

В кругах земных,
где судьбы вихрем вертит,
есть дело жизни
и есть дело смерти.

И человеку
в гонке обалделой
дано вершить
два этих вечных дела.

И сущее,
куда его ни втисни,
предстанет делом
смерти
или
жизни.

ВРЕМЯ

1

Так-так...
туда... сюда...
Размах убог,
и шаг часов ничтожен!
Часами не измерить никогда
ход Времени –
не из минут он сложен.
Колеса,
стрелки,
циферблат...
Не то!
У Времени совсем другая поступь!
Росток,
бутон,
и вот уж лепесток
луч солнца ищет,
как слепой, на ощупь.
Цветок опал,
упал семян посев,
и вновь
росток спешит навстречу лету.
И ты,
на землю перед ним присев,
увидишь
круг,
прочерченный планетой.

2

Ты знаешь, как годы проходят сквозь пальцы:
недели –
стекляшки рассыпанных бус,
и дни,
как случайные постояльцы,
как звуки, без смысла слетевшие с уст.

И вот наступает пора спохватиться,
мгновенья до капли зажать в кулаке...
Нельзя, чтобы время текло!
Пусть сочится,
пусть отсвет скупой оставляет на лицах
и жилкой укора
стучится в виске.

ПРАЗДНИК ТИШИНЫ

Великий праздник тишины,
безмолвный пир,
где облака подъемлют
братины медленного синего вина,
где хор берез высоко и неслышно
прозрачность величальную поет,
а ельники замшелыми басами
о тихой тени подпевают в лад.

И даже одинокая синица,
что голоском, как шилом проколола
тишайшую осеннюю слюду,
не нарушает праздника безмолвья.

Кузнечик, отогревшийся на солнце,
трещит в свою охрипшую трещотку –
один на весь глушмя оглохший мир.
Но разве мир такую мелочь слышит...

Пир тишины расхлёстнут с поднебесья
до мшарников, приникших ниже трав.

Отрадно мне прийти неприглашенным
и встретить доброхотное вниманье,
и голову безмолвием налив,
поднять своею братиной заздравной
на празднике великой тишины.

ВЕШКИ ВЕСНЫ

3

ЧАСЫ ВЕСНЫ

Пружины трав заведены
тревожно и упруго.
Спешат вперед
часы весны,
часы полей и плуга,
часы зачатий и начал
людей, зверей и злаков...
Часы, где я не отличал
полдневный свет от мрака.
Где жизнь вбирала целый век,
вмещаясь в одночасье,
и лес качало, как ковчег,
весеннее ненастье.
Тревожный сумрак наставал,
и в поросли смятенной
меня
дорогою начал
влачило по вселенной.

ЧЕРЕМУХОВЫЙ ПАРУС

Безветрием надут черемуховый парус.
На речках и ручьях
сто кораблей.
И волны горечи бесшумно расплескались,
и брызги звезд висят между ветвей.

Весенней силой мачты ломит.
Цепи
листвы и трав не сдержат якоря –
все корабли сорвутся
и сквозь крепи
уйдут в черемуховые моря.

Тишайшая, невидимая буря.
Ни шороха –
ни с леса,
ни с полей.
И только сердце слышит,
как срывает
сквозные паруса у кораблей!

СВЕЖЕСТЬ ЯБЛОНЬ

Заварилось варево утренних садов –
крупчаты и крапчаты крепкие бутоны.
В яблоневых жилах
круто бродит кровь,
прогревая дерево от корней до кроны.

В кашу эту пряную с разбега занырнуть,
плавать – не наплаваться,
дышать – не надышаться,
раствориться в цветени, растворивши грудь,
и смотреть,
как пчелы на плечо садятся.

ТЕПЛОТА ВЧЕРАШНЯЯ

На пашне – яблонь лепестки,
на первозданных комьях – чудо.
Прощальный взмах твоей руки –
весны последняя причуда.

Все возвращается к земле,
к ее пластам животворящим.
От давних весен разомлев,
мы лепестки по пашне тащим.

Отставший от костра огонь
отходит к теплоте вчерашней.

И вот уже твоя ладонь
как лепесток за свежей пашней.

ЖАВОРОНОК

Воронки высверлены светом
в снегу ржавелом и зернистом –
по ним тепло стекает в землю,
в них луч звенит шальным монистом.

И цедится по капле в сердце
чудес весенних ожиданье,
вплетаются в глаза и жилы
вязь вязов и берез вязанье.

В полях скопились пестрым скопом
и проталень, и ржа воронок...
Над ними, захлебнувшись солнцем,
повис весенним колокольцем
невидный в небе
жаворонок.

ВЕСЕННЯЯ ЖИВНОСТЬ

В березовой бледно-зеленой прозрачности –
прокрики дятла.
Равнодушный голос кукушки вдали.
Звон, бормотанье, трель, посвист всей лесной мелочи.
Грустный, отрешенный перелив иволги.
Таинственное, непонятно откуда, завыванье бекаса.
В овраге у ручья, где остро и душно пахнет
потревоженная крапива –
мохнатое гуденье шерстяных шмелей.
Вечером сквозь дурманные облака черемухи –
металлический скрежет и рык лягушек,
до краев наполняющий долину.
Солнце скатилось.
Небо совсем светлое и высокое,
с ненужной луной посредине,
и под луной над густой зеленью овса –
по-дневному захлебистые жаворонки.
И тут же, у края поля, в ольховнике,
в приречных кущах,
зацокали,
зачмокали,
забулькали,
затрещали,
засосали
соловьи.

Вдали по краю неба
неслышно скользит громадный лайнер.
Или он слишком далеко,
или звуки весны громче грома турбин?
Или, может быть,
уже удалось примирить
летающих, плавающих, катящихся
механических чудовищ
со шмелями, лягушками и соловьями?..

ЯЗЫЧЕСКИЙ ПРАЗДНИК

Охватило зеленым огнем
боковины окрестных оврагов.
Коль дожили, теперь проживем
всю весну
не в печаль, а во благо.

Счастьем выскочит щуплый щавель.
Одуванчик –
весь горечь и свежесть –
мигом
в ряд беспредельных недель
росчерк радости
радостно врежет.

Детский голос
и женский каприз –
все по-новому в днях обновленных.
Это праздник языческий
вниз
покатился по теплому склону.

Есть Ярило и ветер, и ты –
мера мира и мера порядка.
Скинь ярмо суеты-маеты
и в весне растворись без остатка.

И в просторы ожившей души
возвратится языческий идол –
ведовство вековое вершить,
облегчая планеты планиду.

ВОДА, ЯБЛОНИ И ЗВЕЗДЫ

По колено яблони в воде,
а кусты в воде стоят по плечи,
и на каждой ветке
по звезде,
и стволы как стеариновые свечи.

Скоро вспыхнут,
разлетятся,
разгорятся на ветру,
слижут звезды,
снижут бусы
из тяжелой плоти яблок –
эти яблони,
проснувшиеся рано поутру,
эти свечи,
в яром пламени склонившиеся набок.

Пропадай, моя телега,
все четыре колеса!
По проселкам,
по колдобинам,
по клеверному лугу
я поеду,
чтобы яблоки
ладонью поласкать,
полукружьями медовыми
прижатые друг к другу.

КОСЬБА

Старуха точит косу
в бессонницу,
пока
рассвет мутноволосый
проглянет в облаках.
Старуха косу точит
щербатым оселком,
и тени трудной ночи
таятся под платком.
И, волосы поправив,
седые, как рассвет,
идет по тусклым травам
до пояса в росе.
Потом, веревку бросив
и подоткнув подол,
окашивает косо
кочкарый суходол.
И умирают травы
во здравие коров.
И росный сок отавы,
как зоревая кровь.
И пар
душой невинной
восходит тихо ввысь,
и берегут калины
испуганную мысль...
Среди рассветных теней
удел старухе дан –
глухой судьбой растений
брести через туман.

ТАИНСТВО ВСЕЛЕНСКОЕ

В зеленом смутном таинстве дождя
шевелится
и кружится,
и тайно
рождается, все грани перейдя,
весна листвы
и шепотов случайных.
Так трудно
корни из густой земли
вбирают влагу.
Пальцы их корявы,
но через них
в тугую высь ушли
стволы
и протянулись травы.
О таинство вселенское!
Скрывай,
прячь в мокром пологе рожденье и
цветенье,
неси в зеленом чреве синий май
и радостно расти ростки растений!

Содержание

Об авторе 5

ПРОРУБЬ

Подмастерьем бы стать у Байкала... 8

РОЖДЕНЬЕ РЕК 1 11

Жилье человека 12

Рожденье рек 14

Не в Енисее – в светлом небе... 16

Водорослей принесу и листьев... 17

Кто шаманит в шаманьих просторах 18

Погасли горы. Нам пора... 20

Бетон и бирюза – шоссе над Енисеем... 22

Много красок не надо... 24

Дырявый накомарник. Борода... 26

Кровь августа – шиповник и брусника... 27

Драконово яйцо 28

Ни росчерка, ни лишней линии 29

Где-то... 30

Откуда здесь крабы?.. 31

Узнаёшь фиолетовую, льдистую... 32

Старуха 33

Комар упал: теперь идти спокойней... 36

Прорубь 37

Жестяные цветы на воротах сада... 38

СЛЕДЫ ВРЕМЕНИ 2 39

Я люблю переулок... 40

Органная музыка 41

Старый лекарь деревьев... 42

Земля 44

На лицах, точно в книге для приезжих... 46
Северьян 47
Адрес Шекспира 48
Таинственно и тихо птицы... 50
У каждого музея краеведенья... 51
Я боюсь поездов... 52
В театре освещенье много значит... 53
Душистый воск еще не зрелой мысли... 54
Металл, как губка впитывая труд... 56
Утром, когда чист рассвет... 58

ЯБЛОКИ 3 59
Зеленым филином уселся можжевель... 60
Поджарые сосны и тощий вереск... 61
Веселых стекляшек апрель нанизал... 62
Стал снег зернист... 63
Городишко просяно-овсяный... 64

НИТИ ОСЕНИ 65
День свеж и рыж... 65
Колючий сад... 65
Осень краски украла... 67
Безвкусен воздух в пойменных лугах... 68
Краснокожая тихая осень... 68
В лесах все – цвель и ржа... 69
Не надо ветки обрезать... 71
Река еще жива... 72
Из дыма волосы... 73

ДОЖДИ 74
Окно открою... 74

Кто там ходит всю ночь на ходулях..... 74
Кусты и деревья – горшки и кувшины... 75
На ломаных молниях 75
Еще все было впереди... 77
Принесите в дом корзину яблок... 78

МОЖЖЕВЕЛОВЫЙ КОРЕНЬ
ЛЕПНИНА ЛЕТА 1 79
Вереница судеб 80
Заповедные годы 81
Воспоминание о городе 82
Кое-что о творчестве 83
Нить вещей 84
Нечто о нумизматике 85
Грабитель гробниц 86
Этот день 87
Переулок 88
Дождь на дороге 89
Души деревьев 90
Скорлупа себялюбия 92
Межа 93
Сентябрь 94
Дни прошлые 95
Капля лета 96
Снег в сентябре 97
Продолжения 98
Гордячка 99
Память 99
Возле спящего сына в парке 100
Мост и звезды 102
После пурги 103

Старая мельница 104
Кострища 106
Ивняк у обочин... 107
Теряет зима... 107
Река – мозаика живая... 108
Озера 109
Можжевеловый корень 110

СЕНЬ ОСЕННЯЯ 2 111
Проходя вдоль Курильской гряды 112
Утренний иней 113
Жимолость 114
Осень 115
В старом Коломенском под сенью... 116
Сущее 117
Время 118
Праздник тишины 120

ВЕШКИ ВЕСНЫ 3 121
Часы весны 122
Черемуховый парус 122
Свежесть яблонь 123
Теплота вчерашняя 124
Жаворонок 125
Весенняя живность 126
Языческий праздник 128
Вода, яблони и звезды 129
Косьба 130
Таинство вселенское 131

Приглашаем читателей посетить сайт
Николая Димчевского
dimchevsky.su

Книги Николая Димчевского
можно заказать на сайте
и по телефону:
8 (921) 355-96-48

Николай Димчевский

Можжевеловый корень
Стихи

Редактор *Татьяна Самсонова*
Художественное оформление *Нина Рассадина*

Фонд им. Николая Димчевского
Формат 70x100/32. Гарнитура Times New Roman.
Бумага офсетная. Тираж 100 экз.
Отпечатано в типографии Супервэйв Групп.